

Сказка Г.Х. Андерсена " Директор кукольного театра "

В числе пассажиров на пароходе находился пожилой господин с таким весёлым и довольным лицом, что если не сомневаться в его искренности, то его пришлось бы признать счастливейшим человеком на свете. Да так оно и было – он сам сказал мне это. Оказался он моим земляком, датчанином, и директором странствующей труппы. Всю труппу он возил с собою в большом сундуке: это были куклы. Его природный весёлый нрав прошел через горнило испытаний и закалился благодаря эксперименту одного политехника. Последний превратил директора в истинного счастливца. Сразу я не понял, в чём суть; тогда он подробно рассказал мне всю историю. Вот она.

– Дело было в городе Слагельсе, – рассказывал он. – Я давал представление в зале на почтовой станции; сбор был полный, публика блестящая, но совсем зелёная, за исключением двух-трех пожилых матрон. Вдруг входит господин в чёрной паре, с виду студент, садится и где следует смеётся, где следует аплодирует!.. Зритель не из обыкновенных! Я захотел узнать, кто он такой. Слышу – кандидат политехнических наук, командированный в провинцию просвещать народ. В восемь часов вечера представление моё кончилось, детям надо ведь ложиться спать пораньше, а моё дело заботиться об удобствах публики. В девять часов начал читать лекцию и показывать свои опыты кандидат, и теперь я превратился в слушателя. Да оно и стоило послушать и поглядеть! Правда, большая часть лекции была мне, как говорится, не по зубам, но мне стало ясно одно: если мы, люди, способны додуматься до таких вещей, то должны годиться кое на что и после того, как нас упрячут в землю. Кандидат положительно делал маленькие чудеса, но всё выходило у него так просто, естественно! Во времена Моисея и пророков такой политехник прослыл бы за одного из первых мудрецов, а в средние века его бы просто сожгли! Всю ночь я не мог заснуть; на другой день вечером я опять давал представление; кандидат снова присутствовал, и я был, что называется, в ударе. Я слышал от одного актера, что он, играя роли первых любовников, всегда имел в виду одну из зрительниц, для неё одной и играл, забывая всех остальных. Такою "зрительницей" стал для меня кандидат; для него я и играл. Представление кончилось, всю мою труппу вызывали много раз, а меня кандидат пригласил к себе распить с ним в компании бутылочку вина. Он говорил о моём театре, а я – о его науке, и думаю, что оба мы были одинаково довольны друг другом, но я в своём деле всё-таки достиг большего: он-то многих из своих фокусов и сам объяснить не мог. Почему, например, железная пластинка, пропущенная сквозь спираль, намагничивается? Она словно одухотворяется, но как, чем? Вот и с людьми то же самое, думается мне: создатель пропускает их через спираль времени, на них нисходит дух, и вот вам – Наполеон, Лютер или кто-нибудь другой в этом роде. "Мир – ряд чудес, – сказал мой кандидат, – но мы так привыкли к ним, что зовём их обыденными явлениями". И он пустился в объяснения; под конец мне стало казаться, что мне как будто приподняли темя и черепная коробка моя расширилась! Я сознался, что, не уйдя уже мое время, я бы сейчас же поступил в политехнический институт учиться разбирать мир по косточкам, даром что я и без того один из счастливейших людей на свете! "Один из счастливейших людей! – повторил кандидат, словно смакуя мои слова. – Так вы счастливы?" – "Да! – ответил я. – Я счастлив; меня с моей труппой принимают отлично во всех городах. Правда, есть у меня одно желание, которое иногда дразнит меня, как бесёнок, и смущает мой весёлый нрав... Мне бы хотелось стать директором настоящей труппы!" – "Вы хотели бы оживить своих марионеток? Желали бы, чтобы они сделались настоящими актерами, а вы директором настоящей труппы?" – спросил меня кандидат. – Вы думаете, что будете тогда вполне счастливы?"

Сам он этого не думал, а я думал, и мы долго спорили, но каждый остался при своём мнении. Разговаривая, мы не переставали чокаться; вино было доброе, но не простое, что ни говори; иначе пришлось бы объяснить всю историю тем, что я попросту наклюкался! Но пьян я не был, ни-ни!.. Вдруг вижу: всю комнату точно озарило солнцем; лицо кандидата так и светится. Мне сейчас вспомнились сказания о вечно юных богах древности, разгуливавших по свету. Я сказал ему об этом, он улыбнулся, и я готов был поклясться, что передо мною сидит переодетый бог или один из сродников богов. Так оно и было; и вот желанию моему суждено было исполниться: куклы сделались живыми людьми, а я – настоящим директором. По этому случаю мы выпили ещё; потом кандидат запрятал всех моих кукол в сундук, привязал его к моей спине и пропустил меня через спираль. Я и теперь ещё слышу, как я шлёпнулся на пол!

В самом деле, я лежал на полу, а вся моя труппа выпрыгнула из ящика. Куклы превратились в замечательных артистов – это они сами мне сказали, – а я был их директором. Всё было готово к первому представлению, но вся труппа желала поговорить со мною, публика тоже. Первая танцовщица заявила, что, если она не будет стоять на одной ножке, сборы падут; она являлась главным лицом в труппе в требовала соответственного обращения. Кукла, игравшая королев, желала, чтобы с нею и вне сцены обходились, как с королевой, – иначе она отвыкнет от своего амплуа! Выходной актер, являвшийся с письмом, воображал себя такою же артистическою величиною, как и первый любовник: нет ни малых, ни великих актеров, все одинаково важны в смысле сценического ансамбля! Трагик же требовал, чтобы вся его роль сплошь состояла из одних сильных мест: за ними ведь следуют аплодисменты и вызовы. Примадонна хотела играть только при красном бенгальском освещении – это ей шло, а голубое было не к лицу. Словом, все жужжали, точно мухи в бутылке, а в середине её сидел я сам – я был директором! Дыхание спиралось у меня в груди, голова кружилась, я очутился в самом жалком положении, в какое только может попасть человек: меня окружала совсем новая порода людей! Я от души желал упрятать их всех опять в сундук и вовеки не бывать настоящим директором! Я и сказал им прямо, что все они, в сущности, только марионетки, а они за это избили меня до полусмерти. Очнулся я на своей постели, в своей комнате. Как я попал туда, знает, может быть, кандидат, но не я. Месяц светил прямо на пол, а на полу валялся опрокинутый сундук и вокруг него все мое куклы, малые и большие, – вся труппа! Я зевать не стал, прыгнул с постели, побросал их всех в сундук, одних ногами вниз, других головой, захлопнул крышку и сам уселся на неё. Вот-то была картина! Можете себе представить? Я могу. "Ну-с, теперь вы останетесь там! – сказал я куклам. – А я никогда больше не пожелаю оживить вас!" На душе у меня стало так легко, я опять был счастливейшим человеком. Кандидат политехнических наук просветил меня. Я был до того счастлив, что как сидел на сундуке, так и заснул. Утром – скорее, впрочем, в полдень, я непостижимо долго спал в этот день! – я проснулся и увидел, что все ещё сижу на сундуке. Теперь я был вполне счастлив: я убедился, что мое прежнее желание было просто глупостью. Я справился о кандидате, но он исчез, как исчезали греческие и римские боги. С тех пор я и считаю себя счастливейшим человеком. Ну, не счастливый ли я в самом деле директор? Труппа моя не рассуждает, публика тоже, а забавляется себе от всей души. И я свободно могу сам сочинять для себя пьесы. Из всех пьес я беру что хочу – самое лучшее, и никто не в претензии. Есть такие пьесы, которыми теперь директора больших театров пренебрегают, но которые лет тридцать тому назад давали полные сборы, заставляли публику проливать слёзы: я даю эти пьесы на своей сцене, и малыши плачут, как, бывало, плакали их папаши и мамыши. Я даю "Иоганну Монфокон" и "Дювеке" – конечно, в сокращённом виде: малыши не любят длинной любовной канители; им бы хоть плохой конец, да скоро. Так-то изъездил я всю Данию и вдоль и поперек, знаю всех, и меня знают все. Теперь вот направляюсь в Швецию; посчастливится мне там, наживу деньжонок – сделаюсь скандинавом, а иначе – нет; говорю вам откровенно, как своему земляку!

А я, конечно, не замедлил рассказать о своей встрече вам; такая уж у меня повадка – рассказывать.

Другие сказки Андерсена